

А.В. Ревякин
доктор исторических наук
профессор МГИМО

**РОССИЯ ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ:
СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ**

Сначала позволю себе несколько общих замечаний по вопросу, вынесенному на обсуждение. Ни одна из знаменитых революций прошлого, включая Английскую середины XVII в. и Французскую конца XVIII в., не представляла собой исключительно «движения вперед или назад». Невозможно дать однозначную оценку и русской революции 1917 года. В каждой из них по-своему проявлялась важная закономерность развития общества, выражаемая философским понятием «парадокс прогресса»: прогресс целого неизбежно сопровождается регрессом его отдельных частей. Развивая эту мысль, можно высказать предположение, что и регресс тоже не бывает абсолютным. Вся история человечества – процесс не только приобретений, но и утрат, т.е. всегда где-то движение вперед, а где-то – назад. Вместе с тем оценка любого исторического события часто зависит от точки, с которой мы за ним наблюдаем. Многим современникам событий 1917 года казалось, что Россия теряет всё – территорию, правительство, экономику, образование, науку, культуру. Сейчас, спустя сто лет, трудно отрицать, что несмотря на превратности истории страна шла вперед и по многим объективным критериям добилась неплохих результатов.

В спорах о значении революции часто звучит такой аргумент: может быть, избежав революции, Россия добилась бы еще более значительных успехов? Аргумент соблазнительный, но не очень убедительный, поскольку история не имеет сослагательного наклонения. Нам не дано знать, что было бы, если бы не мировая война, не февральский переворот, не Октябрьская

революция, не разгон большевиками Учредительного собрания, не победа красных в гражданской войне и т.д. Может, было бы не лучше, а хуже? Каждый волен предполагать всё, что угодно, однако никакой доказательной силы подобного рода умозаключения не имеют.

По моим наблюдениям, пик дискуссий на тему о том, что «было бы если», пришелся у нас на период «перестройки» конца 80-х – начала 90-х годов. Но к настоящему времени они практически изжили себя – как в публичном, так и в частном пространстве. Я усматриваю в этом важную перемену в умонастроениях широкой общественности. Революция 1917 года, которую советская пропаганда десятилетиями старалась актуализировать, связать с текущим моментом развития страны, в восприятии наших современников окончательно стала достоянием истории. Она перестала разделять людей, разводить их по разные стороны воображаемых баррикад. Много лет имея дело со студентами, я замечаю, что молодых людей, родившихся в 90-е годы, она волнует не больше, чем «великие реформы» Александра II или петровские преобразования. Революция воспринимается нашими современниками в основном без эмоций, как непреложный факт истории и важная веха в развитии страны.

Заметно изменилась ситуация и в науке, изучающей историю революции и гражданской войны. Напомню, в советские времена историки – одни в силу своих убеждений, другие под идеологическим давлением – возвеличивали революцию, особенно ее октябрьский этап. Основное внимание в своих работах они уделяли деятельности большевиков и советских учреждений, пренебрегая историей «белого движения», участников которого изображали как реакционеров и политических маргиналов. Хотя среди публикаций встречались серьезные работы, выполненные вполне профессионально, история революции и гражданской войны, написанная советскими историками, выглядела в целом однобоко и тенденциозно. Она давно не внушала доверия ни самим историкам, ни широкой публике – тем легче они отвернулись от нее в «перестроечные» годы.

Возьму смелось предположить, что в настоящее время советская парадигма истории революции и гражданской войны преодолена. Сложилась ли новая парадигма? Судя по текущим историографическим спорам, вряд ли. Но некоторые новые подходы к изучению истории революции могу отметить.

Самое главное новшество, пожалуй, заключается в том, что полноценным предметом исследований стал лагерь противников советской власти. Скажу больше: в потоке научных публикаций, посвященных истории революции и гражданской войны, явно преобладают работы, посвященные так называемому «белому делу». Что и понятно, исследователи торопятся восполнить лакуны отечественной историографии. Вышли замечательные работы, написанные, что называется, «без гнева и пристрастия», в основе которых лежат ранее неизученные архивные документы. Впрочем, некоторые авторы, отказавшись от апологетики Октябрьской революции и большевиков, ударились в другую крайность. К счастью, до столкновений на политико-идеологической почве среди историков дело не дошло. Несмотря на различия в убеждениях, они живут дружно и тесно сотрудничают друг с другом в многочисленных коллективных трудах и журналах.

Новшеством я считаю и то, что современные исследователи в целом отказались от представления о революции как универсальном способе радикального переустройства общества, его разрыва с прошлым. Из многих исследований явствует, что Октябрь 1917 года не только не переломил, но даже акцентировал некоторые долговременные тенденции развития нашей страны. В частности, государство командовало экономикой как до, так и после революции – с той лишь разницей, что в советскую эпоху огосударствление экономики было доведено едва ли не до мысленного предела. Можно отметить также административную централизацию, свойственную как имперской, так и советской России, хотя формально ни та, ни другая не являлись унитарным, единообразно устроенным государством. В системе самой государственной власти как до революции, так и после нее явно преобладали исполнительные органы, что в обоих случаях обусловило авторитарный характер политического

режима. Задолго до «красного террора», объявленного большевиками в 1918 г., власти имперской России явили миру пример применения вооруженной силы против мирных граждан. Вспомним хотя бы «кровавое воскресенье» – расстрел рабочей демонстрации в Петербурге в январе 1905 года. Короче, в свете новейших исследований советская государственность предстает перед нами уже не как антипод государственности имперской, а как слепок или список с нее, причем довольно грубый.

От Российской империи Советское государство унаследовало и часть своей внешнеполитической программы. Произошло это не сразу, постепенно, лишь после того, как стала очевидной неосуществимость проекта «мировой пролетарской революции». Преемственность в области внешней политики историки объясняют особенностями геополитического положения страны, которая за долгую историю так и не сумела обрести комфортные внешние границы, опирающиеся на естественные преграды, приемлемые для граждан и оправданные с исторической точки зрения.

Новейшие исследования позволяют внести ясность в ряд сложных вопросов истории международных отношений России периода революции и гражданской войны. По пунктам охарактеризую лишь некоторые из них, список которых на самом деле мог бы быть продолжен.

а) Временное правительство и западные союзники в 1917 г.

Долгое время историки не могли найти разумного объяснения политике союзных держав, особенно Франции и Великобритании, которые после Февральской революции, не считаясь с возможностями России, требовали от Временного правительства наступательных операций на фронте. В настоящее время установлено, что союзники были прекрасно осведомлены о плачевном состоянии русской армии после Февраля. Они видели также, что Временное правительство не может обычными политическими и административными методами восстановить ее боеспособность, подорванную не только общей усталостью от войны и тяжелыми потерями, но и падением дисциплины, «митинговщиной», захлестнувшей войска. Опасение, что с развалом армии

Россия может стать легкой добычей немцев, и побудило союзников к указанным демаршам. Единственный способ сохранить боеспособность русской армии они усматривали в том, чтобы занять ее «боевой работой», считая это лучшим лекарством от «вируса разложения». Имеются свидетельства, что свои действия союзники координировали с Керенским и другими «оборонцами» из его окружения. Требование союзников Временное правительство удовлетворило, но последствия Июньского наступления (начавшегося 1 июля по новому стилю) оказались для русской армии поистине катастрофическими – она перестала отвечать своему названию задолго до того, как большевики, придя к власти, провели ее демобилизацию.

б) Запад и большевики в конце 1917 – начале 1918 годов

Ученые приложили немало усилий, чтобы демистифицировать историю взаимоотношений России с западными союзниками сразу после Октябрьской революции. Новую власть в Петрограде союзники действительно не признали, но отнюдь не по идеологическим причинам, как это утверждалось ранее. В настоящее время доказано, что на первых порах союзники относились к ней без всякого идеологического предубеждения. Выдержав непродолжительную паузу, они по собственной инициативе вступили с Советским правительством в самое тесное общение. Главное, чего союзники добивались, – это его согласия на продолжение войны или хотя бы обещания не заключать сепаратный мир. Их вполне устраивало формальное состояние войны, которое лишало Германию возможности свободно распоряжаться силами и средствами, развернутыми на Восточном фронте. В обмен союзники обещали Советскому правительству как дипломатическое признание, так и любые виды помощи. Но народные комиссары этим шансом на сохранение нормальных отношений с союзными державами не воспользовались и предпочли подписать 3 марта 1918 года сепаратный мир с государствами Германского блока.

в) Вопрос о Брестском мире

Новейшие исследования проливают свет и на сложный вопрос об обстоятельствах выхода Советской России из мировой войны. Западные

державы всегда подозревали если не самого Николая II, то его окружение в тайном стремлении к сепаратному миру. Керенского же они ценили прежде всего как последовательного сторонника «войны до победного конца». А вот Ленина и большевиков, которые выступали за «демократический мир без аннексий и контрибуций», союзники первоначально недооценили, считая их политическими демагогами и наивными людьми, неискушенными в международной политике и дипломатии. Во многом поэтому они не ответили на мирные предложения Советского правительства и спокойно отнеслись не только к соглашению о перемирии, которое большевики заключили с государствами Германского блока, но даже к началу мирных переговоров в Брест-Литовске. Союзники не верили, что революционеры крайнего толка могут пойти на сделку с «реакционными» правительствами, которые выдвигали заведомо неприемлемые для них аннексионистские, грабительские условия мира.

Авторы, исследовавшие этот вопрос, утверждают, что еще зимой 1917-1918 годов в целях противодействия угрозам со стороны Германского блока наметилось негласное, неафишируемое сотрудничество большевиков с союзными державами. Их сближению не помешал даже Брестский мир, который как в Москве, так и в западных столицах одинаково расценивался как насильственный, а стало быть – несправедливый, нелегитимный, временный. Правительства стран Антанты официально заявили, что не признают его и считают ничтожным. В целях безопасности их дипломатические миссии, подобно центральным советским учреждениям, выехали из Петрограда, хотя и не в Москву, новую советскую столицу, а в Вологду. Но это не мешало союзным дипломатам оставаться на связи с Советским правительством и обсуждать с ним планы борьбы с германской агрессией.

Под тем предлогом, что страны Германского блока пытаются овладеть транспортной инфраструктурой России, а также военным имуществом, закупленным за границей и складированным в местах выгрузки, союзные державы приняли решение о военной интервенции. Причем, они добивались

формального согласия советских властей на эту акцию, представляя ее как исключительно дружественную. В Мурманске, Архангельске, Владивостоке и Баку им даже удалось заручиться поддержкой местных советов. В Карелии советские и союзные войска общими усилиями дали отпор немцам, успевшим к тому времени оккупировать Финляндию и пытавшимся захватить Мурманскую железную дорогу. Чехословацкому корпусу (сформированному частично из военнопленных австро-венгерской армии для участия в войне на стороне Антанты), которому ранее Советское правительство предоставило право свободного выезда из России через Владивосток, союзниками было поручено взять под охрану Транссибирскую магистраль.

Однако и на этот раз Антанта получила результат, обратный желаемому: после некоторых колебаний Советское правительство сочло подобное вмешательство в свои дела неприемлемым. Начиная с лета 1918 года постепенно прерываются последние каналы прямой связи между Советской Россией и западными союзниками. Между ними возникает конфликт, который можно определить как необъявленную войну. Сначала Россию добровольно покидают союзные дипломатические миссии, затем советские власти принудительно высылают остальных иностранных представителей, не имевших дипломатического ранга.

2) Советская Россия и Германия

По мнению ряда исследователей, летом 1918 г. именно Антанта, сама того не желая, подтолкнула большевиков к еще более тесному сотрудничеству с Германией. Военная интервенция союзников и мятеж Чехословацкого корпуса практически не оставили большевикам выбора. Многие указывают на то, что с их стороны это был не тактический маневр, а стратегический выбор. По мнению большевиков, Германию ждали поражение в мировой войне и революция. И в том и в другом случае ее единственным международным партнером перед лицом воинственной Антанты являлась Россия. Исследователи придают большое значение тому обстоятельству, что после долгих проволочек в августе 1918 г. Советское правительство заключило с

Германией финансовое соглашение, по которому обязалось, среди прочего, передать ей часть русского золотого запаса. Большевиков не смутило, что новое правительство, пришедшее к власти в Германии в результате Ноябрьской революции, предложило советским дипломатам покинуть Берлин (германские дипломаты выехали из России домой еще раньше). Они не сочли эту меру тождественной разрыву отношений. Даже Брестский мир советская сторона расторгла лишь 13 ноября, т.е. спустя два дня после Компьенского перемирия. Но и после этого она некоторое время продолжала выполнять свои обязательства по упомянутому выше финансовому соглашению.

д) Поражение или победа?

В последние годы в нашей историографии оживилась дискуссия на тему о том, к какому лагерю – победителей или побежденных в Первой мировой войне – следует относить Россию. Вопрос совсем не прост в юридическом и политическом отношении. С одной стороны, по Версальскому договору 1919 года союзные державы поддержали право России на получение от Германии «реституций и репараций». Но, с другой стороны, Россия не участвовала в Парижской мирной конференции и не подписывала мирные договоры, которые и должны были бы подтвердить ее статус победителя.

Как известно, формальным препятствием тому послужило отсутствие в России правительства, признанного державами Антанты. Эту юридическую коллизию попытался разрешить президент Вильсон, который предложил всем сторонам гражданского конфликта собраться на конференцию (местом ее проведения были выбраны Принцесы острова в Мраморном море) и сформировать единую российскую делегацию. Советское правительство с готовностью приняло это приглашение, но вожди «белого» движения дружно заявили, что не желают садиться за стол переговоров с «красными». В надежде найти выход из тупика в Москву отправился представитель американского президента У. Буллит. В марте 1919 года он привез в Париж одобренный Советским правительством проект мирного соглашения, которое должно было

положить конец гражданской войне и военной интервенции. Однако этот документ так и остался без последствий.

В срыве согласительной конференции историки винят прежде всего вождей «белого» движения, а также стоявшие за их спиной правительства Франции и Великобритании. Первые по понятным причинам жаждали мщения, вторые с окончанием мировой войны не видели больше смысла в компромиссах с большевиками. Вместе с тем в литературе высказываются сомнения в искренности намерений Советского правительства, уже в то время охотно раздававшего политические авансы с единственной целью – расколоть «единый фронт» своих капиталистических противников, чтобы в тактических целях перетянуть кого-либо из них на свою сторону, в данном случае США.

В дальнейшем Советское правительство заняло критическую позицию по отношению к мирным договорам, подготовленным Парижской мирной конференцией, и не предпринимало попыток присоединиться к ним задним числом. От своей доли германских репараций Советская Россия окончательно отказалась по Рапалльскому договору с Веймарской республикой, заключенному в апреле 1922 года.

е) Великая держава

Провал миссии Буллита отчасти связан со стремлением ведущих держав Антанты избежать дробления России на большое количество заведомо слабых государств, что скорее всего и случилось бы в результате реализации его мирного проекта. Новейшими исследованиями установлено, что подобная перспектива страшила западных государственных деятелей. Воспитанные в традициях дипломатии XIX в., они, во-первых, не желали допустить чрезмерной «разбалансировки» Европы и, во-вторых, предвидели, что новообразованные государства окажутся в зависимости от Германии. Руководители западных держав сознательно проводили политику, направленную на сохранение России как великой европейской державы, хотя и с некоторой корректировкой ее границ. Именно поэтому они не поощряли сепаратистских устремлений большинства народов бывшей Российской

империи, за некоторым исключением (Польша, Финляндия). В принципе они готовы были признать легитимным любое правительство, способное управлять страной и выполнять ее международные обязательства.

Поскольку в 1918 году Советское правительство не оправдало надежд Антанты, в 1919 году она сделала ставку на вождей «белого движения», тем более что победы армий Колчака на восточном, Деникина на южном, а Юденича – на северо-западном фронтах гражданской войны поначалу предвещали скорое падение советской власти. Однако западные правительства просчитались и на этот раз: ставка на «белое движение» оказалась проигрышной. В конце 1919 года страны Антанты свернули финансирование и материально-техническое снабжение «белых» армий, а от Врангеля, который возглавил остатки деникинских войск, укrywшихся в Крыму, в ультимативном порядке потребовали прекратить вооруженную борьбу, пообещав эвакуировать всех желающих за границу.

В заключение своего краткого обзора хотелось бы подчеркнуть важность завета древних – изучать историю «без гнева и пристрастия».